

Предлагаем вашему вниманию интервью с **Юлией Владимировной Золотковой**, поэтессой, практикующим культурологом.

Вопросы подготовили и задавали: члены Свердловского отделения СПР Надежда Казанцева, Эльвира Лелека, Константин Райда, Сергей Рыбкин, Татьяна Ярошенко.

Юлия, первый вопрос будет банальным: где Вы учили итальянский язык?

В УрГУ на кафедре международных отношений факультативно. Моим преподавателем была замечательный человек, Юлия Александровна Стуликова-Филипацци, она же была потом и моим консультантом по итальянскому языку.

Какие дороги привели Вас к творчеству Монтале?

На этих занятиях я начала делать поэтические переводы из итальянских журналов, попробовала читать в подлиннике Данте «Божественную комедию» и увидела, что перевод не всегда соответствует оригиналу. Но Данте сразу был мне не по зубам. В это время я уже писала собственные стихи и показала одно мое стихотворение Юлии Александровне. Он, кстати был про подсолнух. Тогда она предложила мне перевести стихотворение Монтале про подсолнух. С этого-то все и началось.

Вы защитили диссертацию о творчестве Монтале, какова ее тема? Не могли бы Вы кратко сформулировать основную мысль?

Тема звучит так: «Культурный диалог в поэтическом творчестве Э. Монтале». Кратко – это о том, что творчество Эудженио Монтале имеет диалогическую природу, то есть оно словно полемизирует с образами, идеями, формальными приемами других авторов: поэтов, художников, музыкантов, то есть вступает с ними в культурный диалог или, как писал о поэзии Эудженио Монтале Иосиф Бродский, имеет «синтезирующее качество». Такой диалог осуществляют в своем творчестве многие художники, поэты, писатели, музыканты. Культура без него невозможна. Особенность культурного диалога в том, что новый, вступающий в диалог автор говорит что-то свое о каком-нибудь «вечном» вопросе или по-новому трактует циркулируемый в культуре образ. Так, например я рассматриваю диалог Э. Монтале с Ван Гогом на основе образа подсолнуха, с И. Бродским вокруг образа «шествие», с К. Дебюсси на основе джазовых выразительных средств, которые обнаруживаю при переводе стихотворения Э. Монтале, посвященного К. Дебюсси и т.д.

Насколько мы понимаем, Ваши переводы выполнены именно с целью отобразить культурный диалог Эудженио Монтале с другими мастерами слова, а также с музыкантами, художниками. Но ведь и Ваши переводы можно рассматривать как культурный диалог с самим Монтале. Не могли бы Вы проиллюстрировать эту концепцию культурного диалога, возможно, в сравнении с переводами других поэтов?

Сложно сказать о переводах Э. Монтале другими поэтами и то, как они осуществляют этот диалог. Безусловно любой переводчик – это соавтор поэта и любой вступает с поэтом в диалог. Ну вот, может быть, Евгений Солонович осуществлял с Э. Монтале диалог на уровне смыслов, а Леонид Мартынов скорее на уровне образов. Но в переводе Е. Солоновича стихотворения про подсолнух Э. Монтале, возможно, по своему отражен диалог Э. Монтале с известной работой Ван Гога «Подсолнухи». Я не делала специально такого исследования.

По какому принципу Вы выбирали стихи для перевода?

Сначала я переводила подстрочник и смотрела, нравится ли мне его основная мысль или формальный рисунок стихотворения и если нравился, то работала дальше.

С Вашей точки зрения, оказывает ли влияние согласие или несогласие с авторской позицией на процесс перевода?

Конечно. Если не нравится, то лучше и не начинать работу, пусть поэт ждет своего переводчика. Есть переводчики, которые переписывают поэта под себя, мне кажется, это просто варварство.

Поэзия Монтале пока мало переводится на русский язык, однако известны переводы Евгения Солоновича, Яны Токаревой, Леонида Мартынова... Как Вы себя чувствуете в этом ряду?

Я, наверное, пока не в этом ряду, моих переводов никто не знает. Вот если бы вышла книга Э. Монтале в моих переводах и она была бы оценена переводческим и литературным сообществом, тогда можно было бы так говорить. А пока...

Как Вы оцениваете в целом ситуацию перевода итальянской поэзии в современной России? Мне кажется у нас практически нет переводчиков итальянской поэзии. Единственный Евгений Солонович еще переводит, но вот и все. Кстати, я с удовольствием прочитала его переводы Марии Луизы Спацциани. Но этого не достаточно. Яна Токарева, Ярославцев и другие современные переводчики представлены только в Интернете. А книги их не издаются. Возможно, это политика издательств. Я знаю по опыту издания своих стихов, сейчас издать свои стихи не за свой счет практически не возможно. Издательства не работают с молодыми или новыми авторами, им это невыгодно. Но даже если и удастся как-то издаться за свой счет, то продать весь тираж книги - это просто не реально. Вот и лежит она у автора или переводчика, никому не нужная. Есть еще вопрос уровня, но и института критиков или мастерских у нас тоже нет. Я, например, до всего доходила сама. Мне помогал мой стихотворный опыт. Один раз только я получила рекомендательное письмо от известного переводчика и филолога А. Зверева, в те годы бывшего редактором журнала «Иностранная литература», где он дал мне несколько дельных советов по работе над переводами и, можно сказать, благословил на дальнейшую работу, но это и все. Еще я доверяла редакторским рекомендациям моего мужа, Андрея Коряковцева, философа и писателя, который переводил Роберта Фроста с английского и переводы которого были опубликованы в журнале «Урал».

Можно ли явление культуры/поэзии перевести на другие языки без потерь, получив некий международный текст?

Это абсурд. Смысл еще можно перевести, но форму: ритм, рифму, мелодию, размер или обаяние образа, звукопись ни за что одинаково перевести нельзя. Потом мы же переводим не кальку, мы переводим на свой язык, где существует своя система образов, значений, свой духовный опыт народа, наконец свои размеры, ритмы, пословицы. Переводит поэт поэта, автор - автора, личность- личность. О каком метатексте может идти речь. Перевод всегда индивидуален.

Чем пожертвовать (а без жертв не обойтись)?

Жертвовать нельзя ничем, ни образами, ни смыслом, ни формой. Все три составляющие должны присутствовать при переводе. Разве что исторической правдой или деталью, которая понятна только на языке оригинала или каким-то словом (не принципиальным), дающим окраску, но которое не меняет ничего по сути стихотворения. На самом деле Монтале было легко переводить в этом плане, он говорит об общечеловеческих проблемах. Я опускала некоторые несущественные детали.

Были ли Вы в Италии или для Вас познание этой страны происходит через поэзию? Если да, то помогает ли Вам живой контакт с теми местами, где поэт происходило становление Монтале как поэта?

Я бы с удовольствием побывала в Италии, но у меня не было такой финансовой возможности. Конечно присутствие в месте, где жил поэт, очень нужно и вообще нужно знать как можно больше о том поэте, которого переводишь, о его эпохе, вкусах, мировоззрении, той среде, в которой жил поэт. Но когда нет такой возможности, приходится что-то придумывать. Например, когда я работала над стихотворением про «самоуглубленный полдень» мне нужно где-то было почувствовать жару и «дальнее дрожание моря» и безысходность провинциальной жизни. За ощущениями жары мы поехали в Крым. Я не знала, какие стены отгораживают сады в Италии или из какого материала у них стены домов. А в Крыму стены из ракушечника, в результате герой чуть не стал опираться на ракушечную стену. Потом я этот вариант переделала. Но вот пришла жара на Урал, и только тогда появилась строчка о «дальнем дрожании моря» - им стала речка Патрушиха в жару, на которой я работала над этим стихотворением.

Позволите ли Вы нам заглянуть в «мастерскую переводчика»? Как происходит работа над текстом?

Сначала делаю подстрочник, потом выверяю его с консультантом по языку. Здесь важно определить основную мысль или намек на мысль и основные образы стихотворения. Мне очень хорошо работалось в этом плане с Юлией Александровной, она очень хорошо знает итальянский язык. Потом раскрываю форму оригинала: выявляю рифмы (у Монтале много внутренних рифм и у него в некоторых стихах плавающий размер), рифмы должны быть в точности, как у оригинала. Никогда в стихотворении нельзя давать сноски, нужно придумывать эквивалент слова, иначе это не перевод и вообще не стихи. Это не научный текст! Потом разбираюсь с ритмом и метром. Определяю, какой ритм подойдет для перевода, исходя из количества слов в подстрочнике первой строки. Не всегда ритм совпадает с оригиналом. Порою в оригинале вообще нет никакого ритма. Но русский слух привык к ритмическим стихам. Даже если перевожу белым стихом (т.е без рифм, если так у Монтале), то ритм оставляю, пусть даже и плавающий. Я всегда чувствую ритм, это уже от стихотворного опыта. После определения ритма переставляю слова так, чтобы появилась рифма, или придумываю ее, иногда заменяя слово в подлиннике синонимом. Но тут уже просто идет процесс сочинения стихотворения, как в своих стихах. Снова выверяю подстрочник, списываю все значения слова из словаря, ищу точное слово в эту строку с этим ритмом. Меняю строчку из оригинальной в отражающую смысл. Причем, это уже не буквальный перевод, не калька, стихотворение переписывается заново, исходя из красоты русского языка и исходя из законов поэзии.

Вы пишете прекрасные стихи, это Ваш способ самовыражения. А что для Вас перевод?

В переводе я как раз и «общаюсь» с автором, с ним действительно происходит культурный диалог. Это очень классное ощущение, стихотворение за стихотворением, перевод за переводом я открываю внутренний мир автора, как он жил, о чем думал, его сокровенное. Что-то в стихах его созвучно моему пониманию мира, в каких-то стихах автор «отвечает» мне на мои вопросы о жизни, об обществе, в каких-то стихах открывает другой мир, мне неизвестный, но который становится мне интересен. А в каких-то стихах я вижу отражение нашей жизни, проблем, которые волнуют и меня. Потому что настоящий поэт всегда говорит об общечеловеческом, о том, что волнует многих людей. Какие-то переводы Монтале повлияли и на мое собственное творчество. Не прямо, а косвенно. Он, например, помог мне поднять тему моей малой родины, я лучше поняла, почему я покинула ее в свое время. Экзистенциальные вопросы творчества Монтале понятны в любой

стране на любом языке, особенно здесь, на Урале. Впрочем, думаю, что подобным образом переживают современность в определенном возрасте и в определенной социальной среде и в Москве и в Лондоне. Горечи и несправедливости везде хватает.

Ваш источник вдохновения? Просим прочитать Ваше любимое стихотворение (собственное).

Мои стихи пишутся не благодаря, а вопреки. Но должен быть баланс между определенной степенью критичности и неудовлетворенности жизнью, чтобы писать о жизни, и определенной степенью устроенности и комфорта, чтобы не выживать и чувствовать себя защищенной. Если что-то перевешивает, ничего не получается. Писать стихи – это такое путешествие к предельной обнаженности и к общению напрямую с миром о самом сокровенном. Это своего рода тоже диалог с обществом, причем не только с современным и не только своей страны, и не только своего времени, а с тем, где тебя поймут или для того, чтобы поняли. Но меня очень вдохновляет также живопись, проза, музыка, отчасти наука. Меня вдохновляют путешествия. О вдохновении от общения с переводимым автором я уже сказала.

Любимое стихотворение очень трудно выбрать. Я прочитаю характерное для второй книги стихов, которая будет называться «Разгибая пальцы» первое из «Северодвинского цикла»:

Когда снова не сплю,
а в окно смотрит полночь слепая
и желанные весточки с Севера
не прилетают давно,
я свой город родной
с нежной горечью вспоминаю,
мне в него возвращаться не нужно,
но забыть его не суждено.

Потому, что там музыка
в северных ветрах рыдает.
Я с семнадцати лет
все бегу и бегу из него.
Потому что там атомной лодки
тень на город легла ледяная.
Но как в детском кошмаре
возвращаюсь в него все равно.

А когда по пустынному городу

гонит ветер бессмысленно мусор,
и проходят военные сдержанно
в казенных изящных пальто,
мне становится страшно, как в детстве,
мне становится больно и грустно,
так как смертью живущему городу,
кроме смерти не нужен никто.

март 2006 – 2009

Последний вопрос (от Сергей Рыбкина): Недавно посмотрел пару документальных фильмов о переводчиках. В обоих фильмах процесс перевода ассоциирован с каким-нибудь действием из внешнего мира. В фильме о переводчице романов Достоевского героиня, Светлана Гайер, сравнивает перевод с тончайшей кружевной вышивкой, стежок за стежком. В фильме об итальянских переводчиках Tradurre процесс перевода сравнивается с выпечкой хлеба. Для меня, как технаря, перевод – это как шахматная задача. Ассоциируете ли Вы рождение переводческих строк с чем-то из внешнего мира?

Я бы сравнила этот процесс с путешествием. Через перевод можно путешествовать в другую страну, страну переводимого автора, а также в его время и его внутренний мир. Через перевод открываются основные идеи времени, в которое творил переводимый поэт и то, что сближает любого путешественника любой страны, то, что объединяет людей: общечеловеческие смыслы: потребность в тепле, любви, понимании, осмысленности существования, желание узнать, как люди живут, как выстраивают отношения между собой. Это мы пытаемся обнаружить и в путешествии, как это происходит в другой стране. Наряду, конечно, с уникальными особенностями страны. Также сближает перевод с путешествием познание его видимого мира, через систему образов в переводе и образов страны в путешествии. В переводе, как и в путешествии, есть и техническая сторона: это знание законов языка. В путешествии это еще и знание географии, формальности при оформлении виз, ж.д. билетов, в переводе их можно обозначить, как поиски формального эквивалента: рифмы, размера и т.д. Ну вот, в общем, такие ассоциации.

Эудженио Монтале, переводы Юлии Золотковой

Принеси мне подсолнух, чтобы я его пересадил
на мою каменистую почву, сожженную солью,
чтобы нежный осколочек солнца к облакам обратил
лепестки обожженные, согревающие невольню.

Будет долго томить разъяснение неясных явлений:
истощатся тела в трепетанье лучистого цвета,
словно солнце и небо становятся музыкой этой.
Исчезать - это приключение из приключений.

Принеси мне растение полыхающего рассвета,
где прозрачности кружево может в душе зародиться.
Как эфирное масло жестокая жизнь испарится.
Принеси мне подсолнух, совсем сумасшедший от света.

раздел «Полдни и тени»

Арсений

Взвивают вихри пыль прибрежную на крышах
муку на мельницах, сор на площадках,
где лошади, накрытые накидками
лишь землю нюхают, застывши безучастно
перед сверкающими стеклами пристанищ.
А ты идешь по пирсу прямо в море...
И в этот день,
то солнечный, то хлипкий
вдруг слышишь, как докучный час взрывает
все повторяющийся постук
кастаньет.

И это знак другой орбиты: следуй
за ним, за горизонт идя легко,
где виснет смерч свинцовый над пучиной,
смерч этот все же более бродяга,
соленый вихрь, сдуваемый стихией,

поднявшийся до легких облаков.
Он с ног сбивает и хрустишь по гальке,
о водорослей сгустки спотыкаясь,
но приближаешь ожидаемое ране
мгновенье окончания пути,
пути – почти застывшего движенья,
Арсений, исступленье безумья.

Средь пальм лови дрожащее струенье
звучащей скрипки, заглушаемое громом,
тебя жестяным скрежетом догнавшим.
Сияя свет звезды на ясном небе
смирят бурю – отсвет Сапiкoл`ы, –
Спускаясь вечер отступает дальше.
И даже если молния расколет
грозою сумрак, разветвится сполох
как дерево: и все цыган литавры –
лишь грома тихий, неприметный шорох.

Ты загляни в глубины, в сумрак темный,
что увлекает, превращая полдень в ночь
горящих фонарей, на берегу
покачивающихся – а потом наружу,
где тени держат небеса и волны
о шлюпки бьющийся ацетилен – пока
расплакалось трепещущее небо,
земля дымится, наполняется водою.
Все рядом плещется и хлопают палатки,
и мякнут фонари бумажные на трассах.

Такой потерянный средь изгородей ивы,
ты, как камыш, что тащит свои корни,
уж не проворные, но жизнь еще трепещет
в тебе, хоть глухо темноте внимаешь.
Ты, обратившись к пустоте, рыдаешь.
И древних связей сеть тебя глотает,
чтоб растворить и отступить обратно.
И снова зеркала, дороги, стены
обледенят тебя, как призрак смерти.
Но если жест тебя какой коснется,
Иль слово кто-то вымолвит украдкой,
все это знак спасительный, Арсений,
пропащей жизни, для тебя восставшей...
И только сдержанно сметает ветер
ее со звездной пылью.